

Государство Великое Чэнь и северные земли Янь веками разделяла общая граница, ставшая ареной бесконечных раздоров. Яньские воины, не зная меры в своей дерзости, десятилетиями тревожили рубежи империи, предавая огню селения и угоняя скот. Стоило чэньским дозорам прибыть на место разорения, как конные отряды захватчиков уже растворялись в степной дали, оставляя за собой лишь пепел и слезы.

Но восемь лет назад чаша терпения государства переполнилась. Когда неприятель двинул на юг регулярную армию, вспыхнула война, затянувшаяся на долгих семь лет. Это была беспощадная, кровопролитная сеча, унесшая тысячи жизней с обеих сторон. Лишь когда чэньские полки, сметая всё на своем пути, ворвались в самую столицу врага и сразили яньского государя в его собственных палатах, захватчики молили о пощаде. Великое Чэнь одержало окончательную, сокрушительную победу.

В этот торжественный день императорский дворец сверкал огнями: государь давал пир в честь Великого генерала Яна и его верных офицеров. В главном зале собрался весь цвет империи — от императрицы и наложниц до принцев, принцесс и высших сановников.

Император, не скупясь на похвалы, лично поднял кубок, обращаясь к Ян Гуану: — Этот кубок я пью за генерала Яна, за его молодых воинов и за те тысячи верных сынов отечества, что грудью защищали рубежи Великого Чэнь. Без вашего мужества и стойкости наше государство не знало бы сегодняшнего мира.

— Ваше Величество, я лишь исполнял свой долг, — смиренно отозвался Ян Гуан, почтительно склонив голову. Он поднял чашу в ответном жесте, словно принимая почести от лица всей своей армии. — Благоденствие Чэнь зиждется не только на мечах солдат, но и на вашем мудром правлении, неустанных трудах принцев и верности ваших министров. Один лишь меч не удержит врага, если в тылу нет согласия.

Молодые офицеры, стоявшие за спиной генерала, последовали его примеру, выражая почтение государю.

— Только благодаря генералу Яну, долгие годы стоявшему на страже северо-запада, мы спим спокойно, — раздался чей-то голос в толпе.

— Мудрость нашего монарха безгранична, раз он вверил защиту границ столь доблестному мужу! — подхватил другой.

Зал наполнился гулом льстивых речей. Сановники спешили перещеголять друг друга в славословиях: одни превозносили талант полководца, другие — еще громче — прозорливость самого Сына Неба. Наследный принц и его братья также подняли кубки за героев, и на первый взгляд атмосфера казалась исполненной искренней радости и гармонии.

Однако император был уже в годах, и пошатнувшееся здоровье не позволяло ему праздновать до утра. Сославшись на усталость, он покинул залу в сопровождении императрицы и придворных дам. Распоряжаться на пиру остались принцы, и веселье, подогреваемое вином, вспыхнуло с новой силой.

— Старший брат, полно тебе, пей тише, — прошептал Юань Хао, с тревогой наблюдая за тем, как Чжао Чанмин осушает чашу за чашей.

Чжао Чанмин сидел мрачнее тучи. С самого начала пира на его суровом лице не появилось и тени улыбки.

— Оставь, пусть я пью, — хмуро бросил он, снова наполняя кубок. — Не хмелею я. Раз в жизни довелось отведать дворцового вина, грех упускать случай. Другой такой возможности может и не представиться.

Столичное вино, при всей его тонкости и изысканности, казалось ему пресным. Ему не хватало той яростной, обжигающей крепости, что дарила выпивка на северо-западе, заставляя забыть о пронизывающем холоде и дыхании смерти.

— Я знаю, что у тебя на душе, — Юань Хао опасливо огляделся по сторонам.

Во дворце стены имели уши, а одно неосторожное слово здесь могло стоить головы не только им самим, но и всему роду.

— Но сейчас мы в самом центре дворца. Вернемся — я сам составлю тебе компанию. Достану любое вино, какое пожелаешь, и пей хоть до беспамятства. Но здесь мы должны быть предельно осторожны.

Горькая правда жгла сердца молодых воинов. Они прекрасно понимали, какой ценой куплены эти почести. Великий генерал Ян, едва ступив на столичную землю, вернул государю тигриный талисман — символ абсолютной власти над армией, — сославшись на недуги и невозможность более вести войска. Лишь этот жест покорности, развеявший тень подозрительности в сердце старого правителя, открыл его подчиненным путь к наградам и чинам. Все их новые звания и будущее были выкуплены командиром в обмен на его собственный пост.

В этот вечер на празднике Великий генерал Ян был главной фигурой и удостоился высочайшей похвалы. Чиновники при дворе, повинувшись веяниям перемен, осыпали воинов ворохом пышных славословий. Но каждое слово лести, долетавшее до Чжао Чанмина, казалось ему лишь верхом горькой иронии.

<http://bllate.org/book/15315/1355868>